

В конце декабря, когда пыль после смены руководства улеглась, в различных отраслевых ассоциациях также прошла новая волна перестановок. Семья Тань действительно отозвала своих людей, но благодаря слаженным действиям Шэнь Цзунняня и Тань Юмина переходный период прошёл гладко.

Одно падкое на сенсации местное издание уже успело накатать серию кричащих статей под заголовками в духе: «Старейшины "Пинхай" уходят на покой, не оставив преемников. Хрупкое равновесие трёх сил Хайши под угрозой». Но они не успели их опубликовать. Тань Юмин заткнул репортёрам рты новыми блестящими результатами: роуд-шоу проекта «Бухта Баоли» от корпорации «Минлун» увенчалось грандиозным успехом по ту сторону океана.

Корпорации «Хуаньту» и «Пинхай» выступали крупнейшими инвесторами проекта «Бухта Баоли». И хотя Тань Юмин и Чжао Шэнгэ выросли вместе, весь Хайши знал железное правило наследного принца: в делах нет места дружбе.

Откусить кусок от этого пирога оказалось совсем не так просто, как думали многие. Солидные финансовые резервы и мощная система управления рисками были лишь базовыми условиями для участия. Даже Шэнь Цзунняню и Тань Юмину пришлось пройти через бесконечные проверки, тендеры и переговоры, чтобы стать теми самыми избранными из десятков тысяч претендентов.

После официального завершения зарубежного роуд-шоу команда проекта решила устроить праздничный банкет. Как инвесторы, Шэнь Цзуннянь и Тань Юмин должны были присутствовать, чтобы выразить своё полное признание и высокую оценку проделанной работе.

Просматривая международные финансовые новости, Тань Юмин заметил, что лицо Чэнь Ваня, напоминающее изящную восточную картину тушью, уже полмесяца не сходит с обложек ведущих изданий.

— Чэнь Вань просто невероятно красив, — не удержался он от вздоха. У Тань Юмина почти не было иммунитета ко всему прекрасному: будь то люди или вещи.

Полистав журнал ещё немного, он с сожалением добавил:

— А вот Чжао Шэнгэ всё-таки слишком везёт.

Красавцы, власть, богатство — казалось, этот человек забрал себе абсолютно всё.

Шэнь Цзуннянь, проходя мимо со стаканом воды и ноутбуком, легонько пнул чемодан, который Тань Юмин развалил прямо посреди коридора.

— Ты вообще собираешься паковать вещи?

Гардероб Тань Юмина был роскошным и невероятно сложным — настолько модным, что впору было заработать ревматизм. Часы, галстуки, запонки, косточки для воротника, бутоньерки, булавки. Одних только цепочек для лацканов у него было не меньше сотни. И всё это нужно

было упаковать в строгом соответствии с его вкусами и привычками. Если же он не мог найти подходящий наряд под своё настроение, то просто вскрывал чемодан Шэнь Цзунняня.

Тань Юмин тут же спрыгнул с высокого барного стула и пошёл подбирать одежду. Он провозился до самой темноты, и в итоге Шэнь Цзунняню всё равно пришлось помогать ему аккуратно складывать вещи одну за другой.

Банкет должен был состояться в загородном поместье. Шэнь Цзуннянь и Тань Юмин приземлились в Манчэне накануне вечером.

Переместившись с тропического острова, где царила вечная весна, в занесённый снегом штат, Тань Юмин так замёрз, что у него помутилось в голове. Он уже начинал жалеть, что ради красоты надел очень стильное, но совершенно не греющее длинное пальто.

Широкие плечи, плавные линии кроя — всё это придавало ему вид щеголеватый и элегантный. Столкнувшись в аэропорту с журналистами, Тань Юмин даже с улыбкой помахал им рукой. Уж таков он был человек: если в хорошем настроении, то со всеми мил. А если совсем уж развеселится, мог и воздушный поцелуй вдогонку отправить.

Шэнь Цзуннянь с холодным лицом снял свои шарф и перчатки и закутал его так плотно, что снаружи остались только глаза с приподнятыми уголками.

— А-а-а, я же так ничего не у... — начал было возмущаться он.

Но Шэнь Цзуннянь лишь поднял на него взгляд, и Тань Юмин тут же замолчал.

Квадратный ретро-автомобиль с высокой крышей проложил колею по снегу и въехал на территорию поместья. Внутри оказалось гораздо теплее. Тань Юмин, как только миновала нужда, тут же проявил чёрную неблагодарность: одним махом стянул с себя шарф и перчатки, швырнул их обратно Шэнь Цзунняню и, летящей походкой направившись вперёд, снова превратился в светского льва, чувствующего себя на ярмарке тщеславия как рыба в воде.

Куда бы он ни пришёл, он всегда появлялся с помпой:

— А-Вань!

Чэнь Вань, подобный тёплому весеннему ветерку, подошёл к ним и протянул бокалы с шампанским.

— Вы так рано. Как добрались? — спросил он, помня о том, что накануне погода была не из лучших.

Тань Юмин взял шампанское, отпил глоток, картинно распахнул пальто и, уперев одну руку в бок, нахмурился:

— Ужасно! Частный джет Шэнь Цзунняня трясло так, что просто кошмар.

Он жаловался очень красочно и в лицах:

— Я просыпаюсь посреди полёта и думаю, что самолёт делает сальто прямо в тропосфере...

Однако стоило Шэнь Цзунняню подойти ближе, как он тут же замолчал. Чэнь Ваня это изрядно позабавило.

— Так, ставьте сюда, — Тань Юмин скомандовал нескольким рабочим позади себя, чтобы те перенесли к дверям цветочные корзины. На корзинах висели парные надписи. Ничуть не смущаясь удивлённых взглядов толпы иностранцев, он тихо шепнул Чэнь Ваню: — Не волнуйся, тут всё лично подписано великим мастером и освящено.

Он похлопал друга по плечу и заверил:

— Работает безотказно.

Чэнь Вань и Шэнь Цзуннянь: «...»

— Пошли, — Тань Юмин приобнял Чэнь Ваня за плечи. — Познакомлю тебя со своими старыми друзьями.

Хотя сегодня здесь собрались гости корпорации «Минлун», семья Тань имела прочные связи за рубежом. Влияние этого главного светского льва Хайши простиралось далеко за океан, и многие местные шишки были его давними знакомыми.

Тань Юмин чувствовал себя как рыба в воде. Подобно яркой бабочке, он порхал в этом пёстром мире дорогих нарядов, ароматов и элегантных силуэтов. Когда Сюй Чжиин вышла после интервью, они вдвоём как раз общались с несколькими местными аристократами.

Чэнь Вань слегка улыбался, выглядя немного смущённым. А вот Тань Юмин разливался соловьём, во всех красках описывая гостям, как Чэнь Вань преодолел все преграды, обошёл конкурентов и стал ключевым участником команды проекта «Бухта Баоли». Незнающий человек мог бы подумать, что именно он, Тань Юмин, выступил в роли проницательного наставника и собственноручно вывел в люди этого новоиспечённого гения технологий.

Разошедшись не на шутку, он даже скинул накинутое на плечи пальто и перевесил его через руку. Сегодня на нём не было броши, зато цепочка на лацкане привлекала к себе всеобщее внимание. Это не были обычные золотые украшения или драгоценные камни. Изящное изделие представляло собой пион цвета киновари, выполненный в технике перегородчатой эмали. Небольшой, обрамлённый тонкой филигранью, он дерзко выглядывал из петлицы пиджака, приковывая к себе взгляды окружающих.

Столь броский, балансирующий на грани вульгарности и утончённости элемент на ком-то другом смотрелся бы легкомысленно. Но на нём он выглядел как истинный символ восточной роскоши.

Заметив Сюй Чжиин, Тань Юмин махнул ей рукой, приглашая присоединиться. Сюй Чжиин

была единственной женщиной в основной команде проекта «Бухта Баоли». На протяжении предыдущих десятков роуд-шоу она на равных сражалась с западной прессой. Всем было любопытно узнать об этом новом лице, и Тань Юмин с гордостью представлял друзьям её послушной список и достижения в Хайши.

Сюй Чжиин звонко рассмеялась:

— Всё не так уж преувеличенно, господин Тань мне льстит.

Она обменялась визитками с несколькими топ-менеджерами с финансовой улицы и даже пообещала их жёнам заглянуть к ним в гости в поместья.

Это был её первый выход на зарубежные рынки. В прошлом все внешние дела семьи Сюй контролировали её отец и брат. Проект «Бухта Баоли» позволил ей совершить грандиозный прорыв. С того самого дня, как они успешно ударили в биржевой колокол, герб её семьи будет сиять только на её груди.

Когда Чжао Шэнгэ закончил обсуждать дела с местными чиновниками и вышел к гостям, Тань Юмин как раз сиял от восторга: левой рукой он обнимал за плечи Чэнь Ваня, а по правую руку от него стояла Сюй Чжиин. Настоящее «объятие с обеих сторон».

Чжао Шэнгэ подошёл к Шэнь Цзунняню с невозмутимым лицом:

— Только приехали?

— Угу.

— Как добирались?

— На самолёте, — ответил Шэнь Цзуннянь.

Чжао Шэнгэ кивнул, всё поняв:

— Значит, ещё не подарил. — Он имел в виду тот самый частный джет.

Шэнь Цзуннянь бросил на него взгляд, а Чжао Шэнгэ вежливо сообщил:

— Мою яхту уже готовят к покраске.

Шэнь Цзуннянь сделал вид, что не расслышал, поэтому Чжао Шэнгэ добавил:

— Правда, названия у неё ещё нет.

Шэнь Цзуннянь нахмурился.

Чжао Шэнгэ с глубокомысленной и серьёзной миной заявил:

— Это должен решить Чэнь Вань.

Взгляд Шэнь Цзунняня заледенел. Он уже собирался посоветовать ему обратиться к психиатру, когда Тань Юмин, обойдя всех вдоль и поперёк, вернулся к ним. Весь сияющий от самодовольства, он увидел Чжао Шэнгэ и радостно поднял бокал:

— Давно не виделись, Чжао Шэнгэ! Почему я тебя раньше не замечал?

Чжао Шэнгэ кивнул, тоже приподнял бокал и с полным пониманием и снисхождением к Тань Юмину, который вёл себя здесь скорее как хозяин, нежели как гость, произнёс:

— Ничего удивительного, ты же был так занят развлечением гостей.

— ...

Чэнь Вань с лёгким извинением улыбнулся Шэнь Цзунняню и Тань Юмину.

Цзян Ин и Цинь Чжаотин приехали во второй половине дня, прихватив с собой весьма солидные поздравительные подарки. Когда народу поубавилось, Цзян Ин вполголоса спросил Шэнь Цзунняня:

— Что надумал насчёт того соглашения о дружественном энергообмене со странами Северной Европы, о котором я спрашивал в прошлый раз? Фелипе как раз в этом месяце находится в штате N.

Шэнь Цзуннянь отпил шампанского и ответил:

— Мы уже договорились о встрече.

Цзян Ин удивился, опешив на секунду:

— Когда? Почему так быстро?

— Я договорился с ним ещё до вылета, — ответил Шэнь Цзуннянь.

После праздничного банкета Тань Юмин собирался встретиться со своими местными старыми университетскими друзьями. Выдалось как раз несколько свободных дней. От Манчэна до штата N было чуть больше трёхсот километров — расстояния вполне хватало, чтобы обернуться туда-обратно за один день.

— Хочешь, я поеду с тобой? — предложил Цзян Ин.

Фелипе был членом королевской семьи и их однокурсником во время учёбы за границей. В те годы они вместе путешествовали, катались на лыжах и занимались академической греблей, так что у них сложились весьма неплохие отношения. Однако Шэнь Цзуннянь закрыл все дисциплины в кратчайшие сроки и покинул университет на год раньше. Поэтому, по сравнению с остальными, его связь с Фелипе была, пожалуй, не такой тесной.

— Не нужно, — отказался Шэнь Цзуннянь. — Мы будем обсуждать лишь намерения, нет нужды поднимать шум.

— Тогда поспеши. Я слышал, семья Яо предложила отличные условия. С тех пор как Яо Цзячэн вернулся, они развернули бурную деятельность. Но Фелипе почему-то до сих пор тянет с решением.

— Спешить некуда, — Шэнь Цзуннянь совершенно не переживал. Раз Фелипе медлит с окончательным ответом, значит, у семьи Яо всё ещё нет того, что ему нужно.

Чжао Шэнгэ, который всё это время молчал, вдруг бросил на Шэнь Цзунняня весьма красноречивый взгляд. Шэнь Цзуннянь же лишь опустил глаза и сделал глоток шампанского, сделав вид, что ничего не заметил.

Зимой в Манчэне темнело рано, и уже во второй половине дня большинство гостей разъехались. Поместье погрузилось в тишину. Закатные лучи ложились на заснеженную землю и замёрзшее озеро, а издали изредка доносился шорох спрыгивающих с елей белок.

В последнее время Тань Юмин кочевал с одной попойки на другую, каждую ночь напиваясь в стельку. Сегодня же он был на седьмом небе от счастья, его распирало от гордости, и, всё ещё не угомонившись, он скомандовал:

— Шэнь Цзуннянь, а ну-ка слепи мне снеговика.

Шэнь Цзуннянь сделал вид, что не услышал.

Тань Юмин воздел руки к небу. Цепочка на его лацкане качнулась, и пион задрожал:

— Это же мой первый снег в этом году!

В Хайши почти круглый год стояло лето, а на острове Гандао снега не бывало вовсе. Южане всегда питали к снегу особый, почти благоговейный трепет.

Шэнь Цзуннянь продолжал смотреть на него и молчал. В отсутствие посторонних вся светская благопристойность и притворство разом испарились. Тань Юмин вёл себя заносчиво и сыпал аргументами:

— Первый снег!! Какой же это первый снег без снеговика?!

Он стоял на возвышении, полный властности, словно и в мыслях не допускал отказа, и снова отдал приказ:

— Давай же!

Затем он огляделся по сторонам и с предельной серьёзностью зашептал ему:

— Шэнь Цзуннянь, тут все слышали. Если ты мне его не слепишь, я потеряю лицо.

Шэнь Цзунняню не хотелось произносить ни слова. Но вспомнив, что вечером ему предстоит сказать о завтрашнем отъезде в штат N на пару дней, он всё-таки пошёл искать подходящий снег. В конце концов, Тань Юмин был тем ещё любителем раздуть из мухи слона и припомнить

старые обиды. Никто и представить не мог, откуда в его голове берётся столько поводов для придинок.

Шэнь Цзуннянь очень давно не лепил снеговиков, но руки у него росли из правильного места, поэтому он быстро скатал первый снежный ком. Тань Юмин уселся на корточки рядом, выступая в роли надсмотрщика. Шэнь Цзуннянь ко всему подходил с предельной серьёзностью. Он серьёзно жарил ему яичницу, серьёзно разводил порошок от простуды, а теперь вот так же серьёзно лепил снеговика. Угольно-чёрные брови, сосредоточенный взгляд. Иногда он хмурился и поджимал губы, но при этом в нём не было ни капли нетерпения.

Ему было совершенно наплевать, что снежные хлопья налипают на дорогой шарф, а длинное чёрное пальто может испачкаться. Стоило Тань Юмину о чём-то попросить, Шэнь Цзуннянь просто шёл и делал. Умел он это или нет — он всегда сначала пробовал и учился.

Ещё в самом детстве у Тань Юмина было множество игрушек и моделей, сделанных руками Шэнь Цзунняня. Правда, переезжая из старого особняка, он не взял с собой ни одну из них. Наверное, в подсознании Тань Юмина прочно засело знание: если он захочет, то в любой момент получит новое. А значит, нет нужды цепляться за старые вещи.

Снег в поместье был рыхлым и плохо лепился. Шэнь Цзунняню пришлось снять перчатки и спрессовывать его голыми ладонями. У Шэнь Цзунняня были большие руки с длинными пальцами и чётко очерченными костяшками, но они вовсе не выглядели изнеженными. На них виднелись следы от похищения в детстве и плотные мозоли от долгих лет тренировок по стрельбе. А между большим и указательным пальцем белел шрам от ожога — след от того дня, когда он в детстве закрыл Тань Юмина от кипятка.

Тань Юмин посмотрел на его побелевшие от холода руки, придвинулся чуть ближе и вдруг сказал:

— Если это так сложно, то забудь.

Шэнь Цзуннянь, который как раз закончил лепить второй снежный ком, замер. Он поднял голову и посмотрел на жмущегося к нему Тань Юмина, не понимая, что за очередной каприз взбрёл тому в голову.

— Тань Юмин, — нахмурившись, отчитал он его. — Перестань целыми днями менять свои решения по щелчку пальцев.

Тань Юмин сморщил нос, тоже осознав всю абсурдность своего поведения.

— Ладно, тогда лепи.

Дорогие кожаные туфли Шэнь Цзунняня припорошило снегом. Эта белизна резанула Тань Юмину глаз, и он протянул руку, чтобы стряхнуть снежинки. Обувь Шэнь Цзунняня вновь стала безупречно чистой и блестящей, без единой пылинки.

<http://bllate.org/book/17117/1603761>